

Е. А. Салиас

**Собрание сочинений графа Е.
А. Салиаса**

**Том 26. Названец. Подложный
самоубийца. UNA NINA.
Пандурочка. Са-е-ий па-ич.
Машкерад. В муромских лесах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е. А. Салиас
E11 Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 26. Названец. Подложный самоубийца. UNA NINA. Пандурочка. Са-е-ий па-ич. Машкерад. В муромских лесах / Е. А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2015. – 496 с.

ISBN 978-5-458-52679-1

ISBN 978-5-458-52679-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

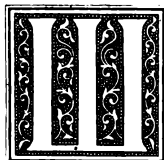

НАЗВАНЕЦЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

«Годъ круглый да еще полугодіе, съ самаго дня смертнаго осужденія Кабинетъ-Министра (Волынскаго) и по оный преславный день, въ кой объявилась она, Дщерь Петрова, шло время длительно, невѣрно, опасно и воистину люто. Колебательство и перемѣнчивость браздъ государственнаго правленія то вдругъ несказанно возносило темныхъ людей изъ мрака и ничтожества на выспръ, къ самымъ ступенямъ трона, то паки ихъ-же низвергало въ сугубое убожество, многія отвѣтственности и мучительства незаслуженныя, ябедой измышленныя»...

(Изъ записокъ современника.)

Шель 1740 годъ... Былъ іюль мѣсяць. Столичные обыватели переживали тяжелое и мудреное время. Придворные государыни Анны Иоанновны, сановники и вельможи, все знатное дворянство, отчасти все именитое купечество и, наконецъ, даже простой людъ, мѣщане и крестьяне—всѣ равно смутились, тревожились и притихли. Зато «нѣмецъ» зазнался совсѣмъ, ликовалъ, справлялъ праздники на своей улицѣ и еще пуще обижалъ русскаго человѣка. Бироновы слуги доходили до послѣднихъ предѣловъ кровныхъ обидъ и гоненій.

Государыня сказывалась хворой и никому не показывалась, бродила по своимъ комнатамъ, а ночью плохо спала, робѣла и плакала...

Она уступила и раскаивалась! На прошлыхъ дняхъ, 27-го июня, покончилъ съ жизнью близкій ей человекъ, любимецъ, кабинетъ-министръ Артемій Петровичъ Воынский. Онъ позорно сложилъ голову на плахъ.

Долго и упорно длилась борьба за власть нѣмца и россиянина, и, наконецъ, герцогъ Биронъ побѣдилъ... Но роковая гибель бывшаго врага открывала широкое поле и давала поводъ къ гоненію и истребленію всей враждебной партіи, подъ предлогомъ наказанія приверженцевъ государственнаго преступника и измѣнника.

Послѣ многочисленныхъ арестовъ въ обѣихъ столицахъ начались аресты по ближайшимъ большимъ городамъ, затѣмъ и далѣе, по всей Россіи. Число виновниковъ все росло, и находились лица, причастныя къ измѣнѣ Воынскаго, домогавшагося якобы верховной власти; даже на окраинахъ Имперіи, на границѣ королевства Польскаго, и на берегахъ Волги и Дона, и у предѣловъ Крымскаго ханства—всюду оказывались и гибли якобы преверженцы измѣнника!

Разумѣется, иные дворяне-помѣщики или должностныя лица, которыхъ арестовывали и привозили въ Петербургъ на судъ или прямо ссылали въ Сибирь, никогда за всю свою жизнь даже не произносили фамиліи вельможи Воынскаго, такъ какъ все, что творилось на берегахъ Невы, было имъ чуждо, почти не любопытно. Но они были просто жертвами разныхъ сосѣднихъ нѣмцевъ, все болѣе распространявшихся на жительство по всей Россіи.

Нежданная, незаслуженная кара стряхивалась на голову какого-нибудь помѣщика въ силу того, что какой-нибудь новоявленный въ его предѣлахъ нѣмецъ хотѣлъ или отомстить за пустякъ, или просто поживиться состояніемъ, которое при осужденіи, конечно, описывалось, якобы бралось въ казну, и передавалось нѣмцу въ награду.

II.

Въ душную лѣтнюю ночь подъ яснымъ звѣзднымъ небомъ въ большомъ селѣ, протянувшемся вдоль главнаго тракта изъ Новгорода на Петербургъ, было мертво-тихо. И не потому притихло все живое, что была ночь, напротивъ, во всѣхъ избахъ люди спали плохо или совсѣмъ не смыкали глазъ и тихо перешептывались, поглядывали въ окошки осторожно и не выходили, боясь нарваться на бѣду.

Въ селѣ заночевалъ обозъ, но особаго рода: товара никакого въ столицу не везли, а на четырехъ или пяти подводахъ везли подъ конвоемъ разныхъ провинившихся людей. Въ каждой бричкѣ или просто большой телѣгѣ сидѣло по трое: одинъ арестантъ и по бокамъ его два солдата. Такъ вѣхали они въ село и ночевали въ лучшихъ избахъ, чтобъ на утро двинуться далѣе на Петербургъ.

Въ крайней отъ церкви большой избѣ было темно такъ же, какъ повсюду. Въ большой горницѣ, холодной, или лѣтней, уже давно сидѣли и шепотомъ бесѣдовали два арестанта. Въ сѣняхъ за дверью на полу спали двое конвойныхъ солдатъ.

Дверь была притворена, но не заперта, такъ какъ на ней не было ни замка, ни задвижки, но къ ней со стороны сѣней была приставлена бочка, а около нея легъ одинъ изъ двухъ солдатъ. Впрочемъ, и солдаты, и командовавшій ими петербургскій офицеръ не опасались побѣга кого-либо изъ двухъ, находящихся въ этой избѣ. Офицеръ остановился въ избѣ старосты, рано поужиналъ и, обойдя всѣ избы, гдѣ разсадили арестантовъ, ушелъ снова къ себѣ, приказавъ подниматься и разбудить его на зарѣ.

Начальникомъ конвоя былъ подпоручикъ измайловскаго полка Иванъ Коптевъ, высокій и рослый человекъ, лѣтъ подъ тридцать, но съ дѣтскимъ, добродушнымъ лицомъ.

Записанный въ преображенскій полкъ еще младенцемъ, по обычаю времени, онъ началъ въ немъ дѣйствительную службу тринадцати лѣтъ. При восшествіи на престолъ Анны Иоанновны былъ созданъ и сформированъ новый полкъ — измайловскій, исключительно изъ ландъ-милиціи нѣмецкихъ земель, а офицеры были всѣ лифляндцы или иностранцы. Коптевъ, лично извѣстный графу Миниху и какъ говорящій свободно по-нѣмецки, почти противъ воли былъ переведенъ изъ своего полка въ новый, съ производствомъ изъ сержантовъ въ офицеры.

Честолюбіе вдругъ зажглось въ немъ. Опередивъ случайно сразу всѣхъ товарищей, онъ захотѣлъ еще лично, собственными силами испробовать свою удачу и «погнаться за фортуной».

По совѣту отца своего и при покровительствѣ графа Миниха, онъ былъ откомандированъ въ распоряженіе генерала Ушакова, начальника тайной канцеляріи. Сначала дѣла у него не было никакого; но постепенно служба становилась все мудреѣе и тяжелѣе. Съ теченіемъ времени и царствованія импе-

рагрицы, и владычества герцога Бирона, у генерала Ушакова усиливалась «работа».

Коптеву, какъ и другимъ, состоящимъ при грозной канцеляріи офицерамъ, поручалось постоянно одно и то же. Ихъ разсылали по всѣмъ городамъ и уѣздамъ «арестовывать и привозить въ Петербургъ разныхъ оговоренныхъ». Все это были жертвы страшнаго новоявленнаго обычая, именованнаго «слово и дѣло».

Коптевъ служилъ преданно, добросовѣстно, но душа его не лежала къ этимъ жестокимъ обязанностямъ. Вдобавокъ, прежде приходилось отправляться въ командировку раза три-четыре въ годъ, теперь же уже года съ два онъ былъ постоянно въ разѣздахъ. Едва доставлялъ онъ кого въ столицу, какъ снова его гнали въ какіе-нибудь дальніе предѣлы за новыми виновными.

Теперь, возвращаясь въ Петербургъ съ партіей, состоящей изъ шести человѣкъ арестантовъ, преимущественно дворянъ, принятыхъ имъ въ Москвѣ, онъ везъ еще двухъ калужскихъ дворянъ, случайно переданныхъ ему въ Новгородѣ захворавшимъ офицеромъ. Этихъ двухъ приходилось доставить прямо въ канцелярію самого герцога Бирона.

Коптевъ невольно мечталъ этимъ путешествіемъ закончить свои странствованія и просить объ увольненіи себя отъ должности утомительной и «палаческой». Онъ мечталъ перейти на службу къ самому фельдмаршалу Миниху въ должность спокойнѣе и достойнѣе.

Двое дворянъ, которыхъ принялъ Коптевъ въ Новгородѣ отъ заболѣвшаго вдругъ офицера, были отецъ и сынъ Львовы. Старикъ было лѣтъ за шестьдесятъ, сыну его — лѣтъ двадцать пять. Взятъ они были въ ихъ имѣніи близъ Жиздры и во время всего пути вели себя оба настолько тихо и покорно, что опасаться, по словамъ офицера, чего-либо — неповиновенія или попытки на бѣгство, было невозможно.

Старикъ, Павелъ Константиновичъ, за всю дорогу объяснялъ чистосердечно, что, очевидно, они взяты по одному недоразумѣнію, которое выяснится въ Петербургѣ, такъ какъ оба жили безвыѣздно въ своей вотчинѣ, никого не видѣли, ни съ кѣмъ не знавались и ни въ какія дѣла, не только государственныхныя, но даже и намѣстическія, не входили.

Молодой Петръ Львовъ, правда, лѣтъ за пять предъ тѣмъ ѣздилъ въ Курляндію, прожилъ болѣе года въ Митавѣ, но ни-

чѣмъ худымъ тамъ себя не заявилъ, ни въ чемъ не былъ виновенъ, и теперь у него были въ Курляндіи даже хорошіе пріятели-нѣмцы. По мнѣнію Коптева, именно это пребываніе молодого Львова въ Курляндіи и могло теперь послужить поводомъ къ его аресту скорѣй, чѣмъ какое-либо отношеніе къ суду и казни боярина Волынскаго. Что касается до арестованнаго старика Львова, то, вѣроятно, это была простая «прикосновенность».

III.

На деревнѣ предъ зарей стало мертво-тихо, только изрѣдка перекликались пѣтухи.

Въ темной комнатѣ, гдѣ сидѣли и долго перешептывались двое арестантовъ, послѣ тайной ихъ бесѣды наступила тишина, но оба не легли, а продолжали сидѣть, почти не видя другъ друга. Несмотря на свѣтлую ночь, въ комнатѣ была сильная темнота, потому что ради предосторожности два оконца были заколочены досками.

Послѣ довольно долгаго молчанія одинъ изъ двухъ произнесъ:

— Ну, батюшка, пора! Благослови меня!

Въ отвѣтъ на это другой произнесъ хриплымъ голосомъ, какъ-бы сквозь слезы:

— Богъ съ тобой, не хочешь послушать отца!.. И, вотъ, черезъ минутъ пять всему будетъ конецъ, останусь я одинъ на свѣтѣ...

— Вѣрю я, батюшка, что не будетъ этого... Богъ милостивъ, наше дѣло правое! Повторяю тебѣ, я на всѣ лады все дѣло обсудилъ, и лучшаго времени не выберешь, какъ, вотъ, здѣсь и сейчасъ. Засудятъ насъ обоихъ въ столицѣ тамошніе кровопійцы, изведутъ. А если все благополучно устроится, какъ я надумалъ, то я къ нимъ въ руки не попадусь, да и тебя высвобожу. А какъ именно? Сотни разъ повторяю тебѣ: не скажу ни за что! Вѣдь, ты меня считалъ малымъ не глупымъ, даже хитроватымъ. Вотъ, теперь и положишь на меня!.. Недаромъ я за предѣлами русскими бывалъ, съ этими нѣмцами жилъ и сжился, знаю ихъ, хорошо по-ихнему маракую. И, вотъ, я теперь освобожусь отъ нихъ и не ради себя, а ради тебя! А обоихъ насъ привезутъ въ Петербургъ, оба мы и пропадемъ... Благослови меня!

И среди темноты молодой Львовъ ощупаль отца и опустился передъ нимъ на колѣни.

Старикъ досталъ изъ-за пазухи небольшой образокъ и хотѣлъ имъ благословить сына, но задержался въ движеніи, а затѣмъ снялъ образокъ съ себя, надѣлъ его на сына и прибавилъ:

— Такъ-то лучше! Можетъ, тебя угодникъ упасетъ!

Отецъ и сынъ обнялись, расцѣловались. Старикъ опустился на лавку и уткнулся лицомъ въ руки... Все, что сейчасъ должно было произойти, могло быть роковымъ для него, худшимъ, нежели арестъ, судъ и пытка тамъ, въ Петербургѣ.

Молодой Львовъ тихо двинулся къ двери и постоялъ нѣсколько мгновеній, прислушиваясь. Въ сѣняхъ раздавался дружный храпъ двухъ спавшихъ на полу солдатъ.

«Лишь-бы знать, гдѣ?»—думалось Львову.

По звуку, слышанному имъ вчера съ вечера, ружья солдатъ были поставлены какъ разъ напротивъ двери, гдѣ было въ сѣняхъ оконце. Если ружья стоять у оконца, то, конечно, несмотря на ночное время, ему замѣтить ихъ будетъ не мудрено.

— Ну, батюшка, Богъ съ тобой! Храни тебя Богъ! Прощай!... Сейчасъ Господь рѣшитъ, достойны-ли мы Его милости.

Старикъ не отвѣтилъ. Молодой человекъ прислонился плечомъ къ стѣнѣ и тихо двинулъ дверь. За дверью на полу зашумѣла отодвигающаяся пустая бочка—и довольно легко, но затѣмъ пришлось надвигать сильнѣе: что-то мѣшало. Львовъ прислушался чутко и тотчасъ замѣтилъ, что одинъ изъ двухъ солдатъ пересталъ храпѣть, какъ-бы приходилъ въ себя. Очевидно, это былъ тотъ, который разлегся у самой бочки и теперь былъ ею разбуженъ.

Львовъ обождалъ нѣсколько мгновеній, смущенный мыслью и опасеніемъ: снова-ли захрапѣтъ солдатъ или поднимется и въ полусумракѣ разглядитъ нѣсколько уже пріотворенную дверь.

Черезъ нѣсколько мгновеній стучавшее въ немъ сердце сразу стихло, и молодой человекъ облегченно вздохнулъ: солдатъ снова началъ попрежнему храпѣть. Обождавъ немного, Львовъ снова нажалъ немного на дверь, и она снова подалась, но пролѣзть въ отверстіе, которое образовалось между нею и косякомъ, не было возможности.

Между тѣмъ, отъ послѣдняго движенія растянувшійся на полу солдатъ уже заворчалъ что-то и двинулся. Львову почудилось, что солдатъ приподнялся и садится. Онъ сразу двинулъ дверь плечомъ, вырвался и, выскочивъ въ сѣни, оглядѣлся. Два ружья были ясно видимы, даже блестяи у оконца. Онъ схватилъ одно изъ нихъ и бросился на крыльцо.

Раздался крикъ... Проснувшійся солдатъ былъ уже на ногахъ, звалъ товарища и кинулся тоже къ ружью. И пока проснувшійся товарищ искалъ свое ружье, первый былъ уже тоже на улицѣ и кричалъ:

— Миряне! Помоги! Держи!...

И если его голосъ не могъ бы разбудить и поднять на ноги притихнувшую деревню, то гулкій выстрѣлъ, грянувшій черезъ минуту, поднялъ тотчасъ все живое. Вслѣдъ за первымъ тотчасъ же раздался другой выстрѣлъ, и все стихло снова.

Въ эти мгновенья старикъ Львовъ, сидѣвшій въ комнатѣ, опустился на колѣни и воскликнулъ громко:

— Помилуй, Господи! Помилуй мя!

И, зарыдавъ, онъ началъ креститься.

Второй солдатъ, выскочившій на улицу, бѣжалъ и кричалъ, оглядываясь:

— Макаръ! А, Макаръ! Гдѣ ты? Эй!..

Но на улицѣ никого не было видно, несмотря на то, что становилось уже гораздо свѣтлѣе. Пробѣжавъ еще нѣсколько шаговъ въ ту сторону, гдѣ раздались выстрѣлы, солдатъ услышалъ чьи-то стоны направо около огорода. Онъ бросился туда и ахнулъ... Его товарищъ растянулся на землѣ.

— Что ты, Макаръ? Аль подшибли?

— Конецъ мой... — проговорилъ солдатъ, хрипя, и сталъ черезъ силу, захлебываясь, рассказывать, какъ было дѣло.

— Стало, убѣгли оба? Другого тоже не видалъ. Ну, Макаръ, тебѣ помирать, а намъ хуже будетъ.

Между тѣмъ, несмотря на страхъ и боязнь проѣзжаго обоза съ арестантами, гуча крестьянъ бѣжала тоже къ тому мѣсту, гдѣ были слышны выстрѣлы; за ними и вся деревня стала подниматься на ноги. Черезъ нѣсколько минутъ прибѣжалъ и Коптевъ, но могъ разпросить только второго солдата, ибо первый уже лежалъ мертвый на травѣ. И выяснилось, что оба арестанта бѣжали.

Страшно смущенный мыслью, что пойдетъ самъ въ отвѣтъ и подъ судъ, молодой офицеръ тихо и почти безсознательно

пошелъ въ ту избу, откуда бѣжали арестанты. Зачѣмъ?—онъ самъ не зналъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ нимъ половина всей толпы крестьянъ тоже двинулась туда-же. Другіе остались толковать вокругъ убитаго, что съ нимъ дѣлать: нести, что ли, куда или такъ оставить?

Войдя въ комнату, дверь которой была раскрыта настежь, Коптевъ невольно ахнулъ... Въ углу на лавкѣ сидѣлъ одинъ изъ его дувхъ арестантовъ. Офицеръ буквально остолбенѣлъ и сталъ на порогѣ, какъ истуканъ.

— Что же это? Вы-то, что же? Вотъ, ужъ и не поймешь! Вы-то что же не бѣжали?

— Скажите, Господа ради, — дрожащимъ голосомъ произнесъ Львовъ,—скажите: убить или раненъ? Скорѣе, не томите!

— Убить, да не онъ... Солдатъ убить!

— А онъ?... Сынъ? Бѣжалъ?!—воскликнулъ старикъ, порывисто поднимаясь съ мѣста.

— Бѣжалъ!

— Раненый?...

— Не знаю... Полагаю, что не невредимъ, однако, все-таки палилъ вторымъ. Солдатъ сказывалъ, что выстрѣлилъ вдогонку близко и врядъ что обмахнулся. Сказывалъ тоже, что вашъ сынъ, обернувшись, подбѣжалъ вблизи шаговъ на двадцать, шибко прихрамывая, но положилъ его, понятно, на мѣстѣ. А тамъ и слѣдъ его простылъ. Но все-таки хорошаго мало, г. Львовъ! Вы оба только меня погубили, а толку не будетъ! Все равно вашего сына разыщутъ, и еще пуще въ отвѣтъ онъ будетъ за убійство конвойнаго.

Коптевъ сѣлъ на лавку и опустилъ голову на руки.

«Служба десятилѣтняя, тяжелая, противная, пропала даромъ. Хуже! Она-то и привела теперь къ бѣдѣ»—думалось молодому человѣку.—«Это Богъ наказываетъ! Не надо было браться за эдакое служеніе нѣмцу противъ своихъ, православныхъ росіянъ»...

Между тѣмъ Львовъ допытывался у вошедшаго въ избу солдата о сынѣ.

— Видать, не видалъ,—отвѣчать солдатъ,—а Макаръ сказывалъ, что зацѣпилъ его либо въ ногу, либо, вѣрнѣе, въ бедро. Хромалъ, говорить, шибко. Подбѣгалъ, говорить, по-заячьему, присѣдая: може, сгоряча, може, онъ тоже теперь Богу душу отдалъ.

Львовъ вздрогнулъ и перекрестился.

IV.

Черезъ три дня Кошчевъ вѣзжалъ въ Петербургъ съ своимъ обозомъ. Рано утромъ къ большому зданію на Фонтанкѣ уже подѣхало нѣсколько бричекъ, на которыхъ были его арестанты съ конвойными. Привезенные были тотчасъ же посажены всѣ вмѣстѣ въ одну отдѣльную камеру большого надворнаго зданія, къ дверямъ котораго былъ приставленъ караулъ, многочисленный и безсмѣнный.

Въ главномъ зданіи, окнами на улицу, помѣщалось нѣчто вродѣ судной канцеляріи самого герцога Бирона. Здѣсь чинился первый допросъ всякаго вновь арестовываемаго по его личному распоряженію, послѣ чего онъ отправлялся въ Петропавловскую крѣпость. Самыхъ серьезныхъ арестантовъ отправляли въ Шлиссельбургъ, гдѣ были заведены новые порядки содержанія преступниковъ во вновь отдѣланномъ казематѣ.

Семь человекъ вновь привезенныхъ были всѣ одинаково унылы, но больше всѣхъ печаленъ, почти убитъ, былъ старикъ Львовъ. Къ бѣдѣ, что онъ былъ, невѣдомо за что, арестованъ у себя въ вотчинѣ, прибавилось новое горе. Онъ былъ глубоко увѣренъ, что сына его взяли вмѣстѣ съ нимъ почти безъ повода. Его на всякій случай прихватили. Старикъ былъ убѣжденъ, что, если не ихъ обоихъ тотчасъ же, разсудивъ дѣло, отпустить домой, то, во всякомъ случаѣ, освободятъ его сына.

Теперь же молодой Львовъ сталъ, въ свою очередь, преступникомъ, быть можетъ, еще болѣе виноватымъ, чѣмъ отецъ, потому что бѣжалъ, убивъ конвойнаго солдата.

Арестанты просидѣли около недѣли вмѣстѣ, ихъ не вызывали и не опрашивали. Солдатъ, приносившій два раза въ день пищу, объяснялъ имъ, что въ канцеляріи столько дѣла, столько народу допрашивается всякій день, что до нихъ дойдетъ чередъ развѣ только недѣли черезъ двѣ.

Эта партія арестантовъ, ѣхавшая въ Петербургъ вмѣстѣ, но на разныхъ бричкахъ, была между собой почти незнакома. Во время пути они всѣ останавливались на ночлегъ по разнымъ избамъ со своими конвойными, но разъ пять или шесть, когда пришлось, за неимѣніемъ помѣщенія, остановиться въ одной избѣ, арестанты, ѣхавшіе вмѣстѣ, только молчаливо перерознакомились, т.-е. видѣли другъ друга въ лицо. Разговаривать было невозможно и опасно, такъ какъ солдаты могли что-либо подслушать и, пожалуй, перевравъ, донести облыжно и усугубить положеніе.

И теперь, въ первый разъ очутившись вмѣстѣ въ одной камерѣ, нѣсколько человѣкъ разнаго рода и званія, но которыхъ соединила общая печальная судьба, могли поговорить по душѣ. Разумѣется, первое, о чемъ зашла рѣчь, былъ побѣгъ молодого человѣка. Старикъ-отецъ, Павелъ Константиновичъ Львовъ, рассказалъ, какъ его сынъ бѣжалъ смѣло и дерзко, рискуя, конечно, быть убитымъ, потому что конвойнымъ было дано право убивать бѣглецовъ.

Всѣ заключенные единодушно порицали дѣйствіе молодого Львова и говорили, что онъ поступилъ необдуманно, только ухудшилъ свое положеніе. Если онъ не раненъ опасно и живъ останется, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что его гдѣ-либо снова разыщутъ, накроютъ и привезутъ. Но судьба его, какъ убившаго конвойнаго солдата, будетъ гораздо хуже.

Старикъ Львовъ грустно соглашался съ этимъ, но объяснялъ, что всю дорогу сынъ его думалъ о побѣгѣ, твердо рѣшилъ бѣжать, и онъ не могъ отговорить его.

Прошло около двухъ недѣль, и Львовъ былъ, наконецъ, вызванъ. Въ сопровожденіи солдата его провели по большому двору и по длинному корридору и ввели въ большую комнату. И первый человѣкъ, котораго онъ увидѣлъ въ числѣ пяти-шести лицъ, показался ему знакомымъ. Присмотрѣвшись, онъ никакъ не могъ себѣ сказать, почему личность молодого человѣка ему знакома. И, наконецъ, онъ ахнулъ... Это былъ офицеръ, который командовалъ ихъ конвоемъ.

Дѣйствительно, бѣдный Коптевъ настолько измѣнился, что его трудно было узнать.

Львовъ безсознательно двинулся къ офицеру, желая что-то спросить, но молодой человѣкъ махнулъ рукой и отвернулся. А какой-то приказный, стоявшій у окна, подошелъ къ Львову и сурово выговорилъ:

— Извольте сѣсть и дожидаться! Разговаривать никому ни съ кѣмъ здѣсь не дозволяется.

Минутъ черезъ двадцать изъ двери вышелъ чиновникъ, оглядѣлся и кликнулъ:

— Подпоручикъ Коптевъ!

Молодой человѣкъ поднялся и исчезъ за дверями вмѣстѣ съ чиновникомъ. Черезъ полчаса тотъ же чиновникъ появился въ дверяхъ и назвалъ Львова. Старикъ поднялся. Войдя въ ту же дверь, онъ очутился въ сравнительно просторной комнатѣ, среди которой стоялъ большой столъ, покрытый сукномъ, а за